

Глава 641: Десять тысяч ли вдаль за несколько мгновений

О чем говорила эта плоская равнина? Могло ли это означать, что все его поврежденные и заблокированные меридианы уже были восстановлены?

Чэнь Чаншэн в шоке смотрел на сцену перед собой.

Бесчисленные большие реки свободно текли по равнине, орошая рис на обоих берегах.

Многие озера были спорадически разбросаны по этой равнине, как большие, так и маленькие.

Отчетливые и элегантные горы и реки, прекрасные зрелища, мириады сцен в настоящее время были в его теле.

Оказывается, вот как выглядели нормальные меридианы.

Оказывается, вот как выглядели идеальные отверстия ци.

Оказывается, что ци, текущее по меридианам, должно быть таким гладким и необузданным, вовсе не медленным и густым потоком, которым оно ощущалось в прошлом.

Чэнь Чаншэн смотрел на это в изумлении. Прежде, чем у него даже было время почувствовать радость, он стал сентиментальным.

Да, он все еще был жив, и теперь казалось, что он сможет жить даже лучше, чем в прошлом.

Его болезнь... казалось, была исцелена.

Более не было проклятья.

Судьба была сшиблена на землю.

Хоть он все еще был в Медитативной Интроспекции, он мог чувствовать, что его тело стало намного лучше, что оно сбросило бесчисленные оковы.

На горизонте перед ним более не было той тени, которая была его постоянным спутником в течение семи лет, там были лишь прекрасные горы и реки, безграничный свет!

Он открыл глаза.

И увидел ее фигуру.

Она держала свои руки за спиной, стоя на краю Божественного Пути, глядя в ночное небо, ее одежда была немного влажной.

В далекой ночи один последний невероятно крупный удар молнии рухнул вниз, освещая весь Мавзолей Книг, а также заставляя ее фигуру казаться невероятно величественной и высокой на свету.

Он не знал, что и сказать.

Кроме 'спасибо'.

Божественная Императрица Тяньхай ответила с 'пожалуйста', как будто она совершила

простую задачу, которую можно было запросто исполнить.

Но почему она сделала это?

«Мы спасли тебя не потому, что ты - Наш сын, а также не из-за тех трех белок - такой ты Нам не нравишься».

«Тогда почему моя леди решила спасти меня?»

«Мы - Наша воля, ты - Наш сын, так что ты - существование Нашей воли».

«Я не понимаю».

Божественная Императрица не дала более подробного объяснения. Все, что она говорила, никогда не требовало объяснения, даже если цель была им.

«Мы однажды слышали, как ты сказал, что твоя неизлечимая болезнь была судьбой».

Чэнь Чаншэн затих. Он действительно говорил эти слова, он говорил их Сюй Южун, Черной Драконице, самому себе; он произносил их уже много раз.

«Даже если это действительно твоя судьба, Мы не позволим тебе умереть, так что ты не сможешь умереть».

Это было заявлением Божественной Императрицы Тяньхай.

На Горе Хань Сюй Южун сказала, что она не позволит ему умереть.

Под Новым Северным Мостом маленькая Черная Драконица также сказала, что не позволит ему умереть.

Но чувство, даваемое словами Божественной Императрицы, естественно, сильно отличалось.

Потому что, когда она говорила это, она могла сделать это.

Даже если оппонента звали судьбой.

«Мы верим в эту вещь по названию судьба, но Мы никогда не уважали ее».

Божественная Императрица уставилась на звездное небо и невыразительно продолжила: «Так как речь идет о бросании вызова небесам и изменении судьбы, судьбу, естественно, нельзя уважать, ее лишь надо использовать».

Чэнь Чаншэн вспомнил первые слова, написанные в записной книжке Ван Чжицэ.

Они оба действительно были экстраординарными людьми. Хотя их позиции к судьбе немного отличались, они, в целом, были одинаковыми.

Сейчас ветер прекратился и дождь отдыхал, облака постепенно расступились, чтобы раскрыть истинный внешний вид бесчисленных звезд, но все еще было тайной, как выглядела судьба, скрытая за ними.

Божественная Императрица смотрела в звездное небо, говоря: «Раз Небесное Дао хочет твоей смерти, тогда Мы хотим, чтобы ты выжил. Если Небесное Дао захочет, чтобы ты не умер, то

Мы захотим твоей смерти, и затем Мы сразимся с ним, чтобы выяснить, кто из нас сильнее».

Затем она вернула взгляд, чтобы посмотреть на мир у Мавзолея Книг: «Что насчет этих людей, в конечном счете они не более, чем прыгающие шуты, вот и все».

С ее голосом порыв ветра обвился вокруг Мавзолея Книг и поднял угол ее рукава.

Ее тело все еще было на вершине Мавзолея Книг, но Чэнь Чаншэн почувствовал, как будто она уже была более, чем в тысяче ли вдали.

.....

.....

В десятках тысяч ли вдали от деревни Синин ночь была темной и неподвижной, маленький ручей продолжал журчать.

Рыба тихо спала в щелях, пока лепестки плыли по течению, кружась вокруг пары голых белых ног.

Монах смотрел на лепестки и рыбу в ручье, казалось, будучи в глубоких мыслях.

Возле ручья слышались шаги, очень спокойные и расслабленные, но они, казалось, содержали безграничные гроззовые бури.

Рыба на дне ручья расплылась в испуге, пытаясь уплыть даже глубже в их расщелины. Но они не могли найти путь и непрерывно бросались о края острых камней, производя кровь этими столкновениями.

Рыбья кровь расцветала в ручье, окрашивая лепестки в темно-красный цвет. Эти лепестки отплыли от его голых ног и собрались вместе в маленькие вихри на поверхности ручья.

Монах раздумывал над этим всем в течение нескольких мгновений, а затем поднял голову, чтобы взглянуть на другой берег ручья с мрачным выражением лица.

Божественная Императрица, держа руки за спиной, стояла у ручья и невыразительно смотрела на него.

Для ее души путешествие в десятки тысяч ли было лишь на расстоянии мысли.

Монах поднял левую ступню из воды и согнул ее под своим телом. Его левый большой палец руки коснулся левого большого пальца ноги, на вид касаясь и не касаясь его, формируя образ лотоса.

В его правой руке были темно-бурые молитвенные четки, медленнодвигающиеся сами по себе. Пока молитвенные четки двигались, они, казалось, содержали фрагмент истинного значения времени.

Он смотрел на Божественную Императрицу Тяньхай, а затем его губы немного открылись и начали напевать стихи.

Стихи, которые он напевал, были весьма уникальными. Они были не обычно встречаемыми даосскими писаниями, а писаниями с весьма загадочным стилем и немного странным тоном, их повышение и снижение, казалось, обладало каким-то ритмом.

Это был буддистский стих.

Буддистская вера давным-давно пришла к концу на континенте, но Божественная Императрица понимала ее до некоторой степени. Ее черные волосы двигались несмотря на отсутствие ветра, и она, казалось, раздумывала над чем-то.

С напевом этого буддистского стиха лепестки в завихрениях ручья приблизились друг к другу, постепенно формируясь в цветки лотоса.

Из накладывающихся лепестков постепенно пролился невероятно прозрачный Священный Свет.

Божественная Императрица стояла у ручья, но она, казалось, стояла высоко в ночном небе.

В деревню Синин прибыло не ее тело, а проекция ее души в воздухе. С мыслью она могла стать несравненно высокой.

Давление, которое было трудно описать, начало возникать от ее тела, и ее глаза стали невероятно яркими, как настоящие звезды.

Эти лотосы у ручья постепенно начали покидать завихрения, рассеиваясь во всех направлениях. Некоторые поплыли к ней, но еще больше направилось к другому берегу.

Лицо монаха стало еще более мрачным. Молитвенные четки в его руке начали двигаться еще медленнее, как горы, движущиеся в его ладони.

Ручей стал абсолютно неподвижным, все прекратило двигаться. Деревья у ручья тоже, казалось, прекратили движение, но на них внезапно подул дикий порыв ветра.

Божественная Императрица сказала монаху: «Так как ты посмел вернуться, ты не должен думать об уходе».

.....

.....

Каждая семья все еще спала, но Даосист всегда бодрствовал.

Он смотрел в направлении Мавзолея Книг, на его лице было мрачное выражение, а затем он развернулся и ушел.

В маленькой измороси он развернулся и направился в темноту, направляясь в какое-то неизвестное место.

Прямо после этого у Моста Беспомощности над Рекой Ло появилась фигура.

Он вынул из своего рукава невероятно изысканные и маленькие песочные часы, положив их на перила.

Течение времени было тихим и его очень просто можно было упустить, что привело к созданию всех видов измеряющих инструментов.

Песочные часы без сомнений были одним из наиболее примитивных инструментов измерения времени, но именно их примитивная натура делала их надежными.

Даосист спокойно смотрел на песочные часы, зная, что через время двадцати семи вдохов другая сторона сможет подтвердить его истинное расположение.

Маленький песок перетекал из верхней половины песочных часов в нижнюю, а затем, когда он был почти израсходован, Даосист вновь исчез.

Как раз тогда, когда он исчез, на Мосту Беспомощности появилось холодное ци. Река Ло ответила, волны поднимались с ее поверхности, а затем быстро успокаивались, в реке даже появилось несколько фрагментов льда.

Черная тень появилась там, где только что стоял Даосист, - это был жуи Божественной Императрицы.

Этот жуи, казалось, содержал невероятно грозную душу. Он уже перестал быть неживым объектом и в настоящее время искал расположение Даосиста.

В холодной пещере под Новым Северным Мостом девушка, облаченная в черное, сейчас спала. По какой-то причине ранка цвета киновари между ее бровями казалась исключительно яркой.

В это время Даосист прибыл к киоску, продающему мясные шарики из ягнятины в северо-западной части столицы.

Он посмотрел на песочные часы в руках. В этот раз он мог задержаться на двадцать три вдоха.

Время, которое требовалось Божественной Императрице, чтобы подтвердить его истинное расположение, становилось все короче и короче. Это также означало, что места, в которых были расположены его истинные расположения, становились ближе и ближе.

Если она сможет подтвердить расположение Даосиста, она определенно использует все свои силы, чтобы убить его.

.....

.....

Божественная Императрица стояла на вершине Мавзолея Книг, спокойно глядя в направлении Дворца Ли.

Эта ночь продлилась в течение очень долгого времени, и уже оставалось немного времени до рассвета.

Но Дворец Ли хранил молчание все это время. Старик, живущий внутри, старик, который должен был действовать с осторожностью, не делал свой голос слышимым.

.....

.....

Чжу Ло, Гуань Синкэ, Бе Янхун и Уцюн Би, эти могущественные фигуры, которые приносили шторма с собой, все слышали голос Божественной Императрицы.

Те пятнадцать принцев клана Чэнь, которые позаимствовали покров ночи, чтобы войти в столицу, и те уже беспокойные противники тоже слышали ее голос.

Этот голос был очень безразличным, но он также был несравненно тираническим.

Даосист Цзи ранее сказал, что она не посмела съесть Чэнь Чаншэна, потому что была слишком робкой, не посмела рисковать, потому что боялась существования Небесного Дао.

Но она даже не находила достойным использование фрукта, которым был Чэнь Чаншэн, чтобы рискнуть для направления Небесного Дао, а решила посоперничать с Небесным Дао за победу и поражение!

Кроме нескольких редких экспертов никто не знал, что душа Божественной Императрицы уже была в десятках тысяч ли вдали, и ее наиболее мощный магический артефакт был на улицах столицы в поисках следов ее врагов. Они лишь могли видеть её фигуру, тихо стоявшую на вершине Мавзолея Книг, ее руки были за спиной, и в глубинах их сердец поселился неудержимый страх.

Это место было высочайшей точкой в столице, а также высочайшей точкой в мире, потому что она стояла там, она стояла там более двухсот лет.

Далекая земля начала дрожать, и накопленная дождевая вода стала разбрызгиваться, разбрасывая потоки воды во все стороны.

С равнин загремел гром, и редкие удары молнии сделали видимыми фигуры бесчисленных всадников.

Это было истинным громом, громоуханием копыт.

Кроме сил из критических крепостей севера, таких, как Перевал Снежных Владений, которые требовали больших военных сил, десятки тысяч лучших всадников Великой Чжоу под руководством одиннадцати Божественных Генералов направлялись в столицу!

Они были наиболее лояльными подчиненными в ее правлении этим миром, а также ее наиболее могущественной военной силой.

.....

.....